

НЕ ПРИСПОЯТЬСЯ

Графомания

СБОРНИК
САТИРИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ

В. ШТОЛЬМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Штольман

Графомания. Не прислоняться

«Автор»

2026

Штольман В.

Графомания. Не прислоняться / В. Штольман — «Автор», 2026

Перед вами убойная коллекция сатирических рассказов и пьес, где реальность переплетается с абсурдом, а цинизм и искрометный юмор препарирует социальные язвы и пороки. В этом сборнике вы найдёте все: от философских бесед с Чеховым в пивной до эпических сражений с ЖКХ, от паранойи пенсионера-конспиролога до кровавых интриг сиамской кошки, а также многое другое.

© Штольман В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Голубчик	8
Любопытство	12
Счетчик	16
Подозрительные люди	21
Марта	27
Следственный эксперимент	28
Музыкант	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виталий Штольман

Графомания. Не прислоняться

Дисклеймер

Книга содержит элементы сатиры, иронии, социальной критики, а также темы, затрагивающие человеческие слабости, конфликты, одиночество, абсурдность бытия и другие аспекты, которые могут быть восприняты как провокационные, тревожные или неоднозначные. Рекомендуется для читателей (слушателей), достигших возраста восемнадцати лет, а в отдельных случаях в зависимости от зрелости и устойчивости нервной системы.

Автор не гарантирует отсутствие психологического воздействия.

Важно знать!

Автор не претендует на достоверность описываемых событий, персонажей, диалогов или реалий.

Любые совпадения имен, фамилий, должностей, географических названий, организаций, исторических фактов, культурных явлений или бытовых деталей с реально существующими лицами, структурами, местами или событиями носят исключительно случайный или художественный характер и не подразумевают прямой отсылки, клеветы, оскорбления или намеренного искажения действительности.

Все персонажи, сюжеты, диалоги и обстоятельства, описанные в книге, являются исключительно вымышленными. Любые попытки интерпретировать их как отражение реальных людей, групп, институтов или общественных явлений должны рассматриваться как проявление читательской интерпретации, а не как подтверждение фактической связи. Автор оставляет за собой право на художественную условность, преувеличение, иронию, гротеск и стилизацию, включая использование приемов сатиры, иносказания и аллюзий.

Данное произведение имеет возрастное ограничение 18+. Несовершеннолетним лицам запрещено к ознакомлению.

Возрастные ограничения и этические нормы

Книга содержит элементы сатирического и драматического характера, включая темы, затрагивающие человеческие слабости, социальные конфликты, одиночество, абсурдность бытия, а также эпизоды насилия и жестокости, ненормативную лексику и сцены, касающиеся психического здоровья, ситуации, связанные с употреблением, распространением или производством алкоголя и сигарет.

Использование ненормативной лексики в текстах является художественным приемом, отражающим реалии речи персонажей, их социальный статус, эмоциональное состояние или сатирический и драматический контекст. Оно не выражает позицию автора и не призвано оскорбить читателя (слушателя). Тем не менее, автор предупреждает, что такие выражения могут быть восприняты как оскорбительные, грубые или неуместные в зависимости от культурного, возрастного или этического контекста.

Все сцены употребления алкоголя и табачных изделий описаны исключительно в рамках литературного сюжета и не преследуют цели пропаганды или поощрения подобных действий. Включение сцен употребления алкоголя и табака обусловлено исключительно художественными задачами и необходимостью достоверного отображения определенных социальных реалий. Цель автора – не романтизация, а демонстрация последствий злоупотребления и важности ведения здорового образа жизни. **Важно помнить**, что употребление алкоголя и курение представляют серьезную угрозу для здоровья человека. Эти привычки могут привести к развитию хронических заболеваний, повреждению внутренних органов, формированию зависимо-

сти, сокращению продолжительности жизни, ухудшению качества жизни. Продажа алкоголя и табачных изделий несовершеннолетним запрещена законом. Курение и употребление алкоголя в общественных местах преследуются по закону. **При обнаружении признаков зависимости** необходимо незамедлительно обратиться за профессиональной помощью к специалистам. Существует множество организаций, готовых оказать квалифицированную помощь в борьбе с вредными привычками. Данное предупреждение не отменяет художественного характера произведения и служит исключительно для информирования читателей (слушателей) о реальной опасности употребления алкоголя и табака. **Автор призывает** читателей (слушателей) критически относиться к описанным событиям и не воспринимать художественное произведение как оправдание или призыв к употреблению алкоголя и табачных изделий. **Помните:** здоровый образ жизни – это выбор сильных и ответственных людей, заботящихся о своем будущем и будущем своих близких.

- Сцены насилия и жестокости описаны исключительно в рамках литературного сюжета и не преследуют цели пропаганды или оправдания подобных действий. **Автор категорически осуждает** любые формы насилия и жестокости. Включение подобных сцен обусловлено исключительно художественными задачами и необходимостью достоверного отображения определенных социальных явлений. Цель автора – не романтизация, а демонстрация трагических последствий насилия и важности гуманистических ценностей. **Важно помнить,** что насилие в любой форме является преступлением против человечности и преследуется по закону. **При столкновении с ситуациями насилия** необходимо немедленно обратиться в правоохранительные органы, сообщить о происходящем близким людям, обратиться за психологической помощью, воспользоваться услугами специализированных центров поддержки. Любые формы физического и психологического насилия являются уголовно наказуемыми деяниями. За совершение насильственных действий предусмотрена строгая ответственность в соответствии с действующим законодательством. При обнаружении признаков агрессивного поведения у себя или близких необходимо незамедлительно обратиться за профессиональной помощью к специалистам. Существует множество организаций, готовых оказать квалифицированную психологическую поддержку. Данное предупреждение не отменяет художественного характера произведения и служит исключительно для информирования читателей (слушателей) о реальной опасности романтизации насилия. **Автор призывает** читателей (слушателей) при столкновении с описанными в произведении ситуациями проявлять максимальную бдительность и помнить, что насилие никогда не является решением проблем, а только усугубляет их. Помните: гуманное отношение к окружающим и мирное разрешение конфликтов – это основа цивилизованного общества и залог безопасной жизни каждого человека.

Рекомендации по восприятию

Данная книга не рекомендуется к прочтению (прослушиванию):

лицам, не достигшим восемнадцати лет;

читателям (слушателям), склонным к внушаемости, эмоциональной лабильности или имеющим в анамнезе психические расстройства;

тем, кто находится в состоянии острого стресса, депрессии или кризиса.

Чтение (прослушивание) осуществляется исключительно на личный риск читателя (слушателя).

Авторское заявление

Автор, ттец, издатель, редактор, корректор, верстальщик, типография, курьер, почтальон, владелец сервера, разработчик программного обеспечения, изобретатели гаджетов, электричества и всего живого на этой планете, а также любые третьи лица, прямо или косвенно причастные к созданию, распространению или потреблению данного издания, снимают с себя любую ответственность за:

эмоциональное, психическое или философское состояние читателя (слушателя) до, во время и после ознакомления с материалами;

возможные приступы смеха, грусти, раздражения, ностальгии, апатии, вдохновения или экзистенциального кризиса;

последствия цитирования текста в спорах, переписке, научных работах, публичных выступлениях или на семейных праздниках;

любые действия, предпринятые читателем (слушателем) под влиянием прочитанного (прослушанного), включая, но не ограничиваясь: смену мировоззрения, разрыв отношений, написание собственного романа, уход в горы, попытку устроиться на работу или подражание поведению главного героя;

технические сбои, возникшие при чтении (прослушивании) в электронном (аудио) формате (включая, но не ограничиваясь: разряд батареи, сбой Wi-Fi, зависание приложения, слезы на экране, сломанные наушники);

возможное недопонимание, вызванное иронией, сарказмом, абсурдом или чрезмерной драматизацией.

Защита прав третьих лиц

Все упоминания торговых марок, брендов, названий организаций, СМИ, государственных структур, культурных институтов, музыкальных произведений, фильмов, книг, интернет-ресурсов и иных объектов интеллектуальной собственности носят исключительно иллюстративный характер. Использование таких наименований не свидетельствует о поддержке, одобрении, причастности или сотрудничестве с указанными организациями или правообладателями. Все упомянутые бренды и названия являются собственностью соответствующих владельцев.

Целевое назначение

Настоящее издание предназначено исключительно для досугового, художественного и культурного потребления. Оно не является руководством к действию, научным трудом, официальным документом, медицинским советом, юридической консультацией, политической декларацией или религиозным текстом. Автор не несет ответственности за любые последствия, возникшие в результате интерпретации содержания как прямого указания к поведению, решению или мировоззрению.

Заключительное заявление

Чтение (прослушивание) данной книги означает, что вы ознакомились с настоящим дислеймером, поняли его содержание и принимаете его в полном объеме. Вы подтверждаете, что используете материалы на свой страх и риск, без предъявления каких-либо претензий к автору, чтецу, издателю или иным участникам процесса создания и распространения.

Голубчик

Кто-то тыкал пальцем прямо меж ребер под требовательное: «Голубчик-голубчик!» Я не хотел открывать глаза, хотя все затекло. Голос становился все настойчивее. Умеют же люди достать мирно спящего человека. Разум мой все же прозрел. Надо мной стоял какой-то мужичок с бородкой и в пенсне. Я сел. Потрогал основание лежака. Лавка. Видать, не смог пьяный до дома пройти. Тут и обрел сон.

Огляделся. Старые добрые Люберцы. Хтонь. Уныние. Тотальный беспросветный пиздец. «Барбара».

– Так, стоп! Какая «Барбара»? Она ж сгорела года два назад, – потер глаза, вновь посмотрел, латрыжня, в которой я когда-то работал все еще на месте.

– Голубчик-голубчик, – не унимался мужичок, – вы тут главный?

– Мне это снится? – я посмотрел на нарушителя моего спокойствия. Он казался достаточно странным, не вписывался в эпоху. Желания сбежать у меня не было. Любопытство даже настаивало на том, чтоб остаться. Кого-то мужичок напоминал. Кого-то образно своего. Потер еще раз глаза, окончательно развеяв сон, и тут-то и обомлел, ибо предо мной стоял Чехов. Сам Антон Палыч. Я брякнулся с лавки и истерично захохотал, – Мне это снится... Или я крайне близок к дому дураков.

– Вы там не убились, голубчик?

– Да, как же во сне можно убиться-то? Дайте руку! – драматург помог мне вернуть телеса на лавку.

– Так вы тут главный или нет? Кроме вас ни души!

– Получается, я! Это ж мой сон.

– Пивка плесните. Страсть, как жажду утолить охота.

– Может, воды?

– Лучше пивка.

– Светлого? Темного? Красного?

– Вкусного.

– С вами не поспоришь, Антон Палыч! – я встал и отправился до «Барбары», – Да, вы не стесняйтесь, тут никого! Заходите!

– Тут постою.

– Ну, как знаете, – я нацедил по литровой кружке Лакинского и вернулся к Чехову, что грустил у высоких столов без стульев, прикованных цепями к арматуре, торчащей из земли. В Люберцах, знаете ли, и не такое воруют, – Меня Виталей зовут, – я поставил стаканы на стол и протянул руку, – Ваш поклонник. Особенно раннее творчество имеет место в моем сердце.

– А по батюшке?

– По батюшке Штольман Виталий Александрович.

– А, слышал-слыхал о таком, – Антон Палыч пожал мне руку и приступил к дегустации, – Хорошее.

– Где это вы могли слышать о таком?

– Как похорошели Люберцы с окрестностями. Помнится, к Илиодору Ивановичу в гости приезжал на дачу в Красково. Какая замечательная у него банька была. Ух!

– Это я знаю. Каждый день города плакат вешают о том, как вы любите Красковские бани.

– Удивительно-удивительно! Гиляровский еще тут жил. Гуляли с ним дважды по заглухшим прудам в старом парке.

– А потом вы на фоне этих прогулок, – я отпил пива, – написали «Злоумышленника».

– Тоже на плакате пишут?

– Слышал о таком. Антон Палыч, так откуда вы знаете обо мне?

- Кажется, – он задумался, – в этих краях я познакомился с Лейкиным. Знаете, Лейкина?
- Николай Александрович Лейкин – главный редактор журнала «Осколки». Я читал вашу биографию, – пиво в наших стаканах пошло на убыль, – Еще?
- Пожалуй.
- Пожалуй, да или, пожалуй, нет?
- Да.
- Антон Палыч, может, перестанете ходить вокруг, да около?
- Вы – хороший писатель, голубчик?
- Ах, шельмец! На большое решил надавить, – проскочила мысль, – Нищевой.
- Какой интересный термин. Что он значит?
- Когда идешь по узкой лестнице творчества, а массам нет до тебя дела, ибо предпочитают низкопробное дерьмо.
- Так во все времена было. Терпенье, голубчик, терпенье – мать учения.
- А я в Мелехово ездил, чтоб вашим духом проникнуться, – брякнул я, ибо не желал больше говорить о своей низкопробной писанине с великим.
- Как там мой вишневый сад?
- Воссоздали.
- Приятно, – Чехов отпил пивка, – Как там гуси?
- Неплохо, чуть меня с товарищем не защипали. Жирные, а какие быстрые. Бежал я быстрее ветра.
- Умора! – расхохотался драматург.
- Жаль только воспоминание тяжелое.
- Что же?
- Друга того больше нет. Почил.
- У него все хорошо.
- Откуда вы знаете?
- Виделись недавно. Он-то мне о вас и рассказал. Задорный, хоть и сказочник.
- Сейчас это называется фэнтези.
- Как сказки не назови, голубчик, они сказками и останутся.
- Так подождите, мы же сейчас про Коновалова Льва Платоновича говорим.
- Именно. Будьте любезны плеснуть еще стаканчик, но поменьше, а то что-то желудок бурлит.
- Как скажете, – я отправился в «Барбару» за добавкой, – Клозет тут, если что, везде. Не стесняйтесь.
- Я, пожалуй, пока воздержусь.
- А я вот уже не могу воздерживаться, – нужда заставила меня полить кусты за питейной.
- Хорошее пиво! Передайте мое почтение пивоварам! – с ходу выдал Чехов, когда я вернулся с добавкой.
- Обязательно. Может, кальмаров каких, рыбки сушеной.
- Благодарю за заботу, голубчик, но нет желания руки пачкать.
- Хорошо-хорошо. Вернемся в главной теме. Вы виделись с Левкой, а потом решили заглянуть ко мне в сон?
- А сон ли это?
- Я тоже умер, как и вы?
- Ну и вопросы у вас, голубчик, – рассмеялся драматург, – Все это несущественное.
- Но все же абсурдное.
- Мистически завязанные отношения между людьми объявляются неспроста... Они должны чему-то учить.
- Абсурд ничему не учит, он просто есть.

- Противоречия внутри вас обуздали свободу.
- Мне надо меньше пить. А то ж причудится такое. Моя фантазия слишком разыгралась.
- Реальность – вещь относительная, не так ли? Грани меж мирами однажды стираются.
- Ну это уже точно перебор, Антон Палыч. Ну не можете вы говорить о симуляции. Эту теорию придумали значительно позднее вас.
- Или?
- Или?
- Или.
- Или после смерти души отправляются в коллективный разум?
- Браво, голубчик!
- Это уже дико, даже для сна, – я начал щипать себя за бок.
- Я же говорил, Антон Палыч, что он обалдеет, – из просвета меж дворов вышел Коновалов. Живой.
- Это очень даже забавляет, – рассмеялся Чехов, а затем поправил съехавшее пенсне.
- Лева? – удивление достигло апогея.
- Лева-Лева! – рассмеялся тот, – Мне-то пивка начислишь?
- Иди-ка сюда, старый ты бродяга! – я по-свойски обнял друга, – Эй, хорош-хорош, раздавишь! Платоныч, поставь меня на землю.
- Пожалуй, оставлю вас, господа, ненадолго, а то, знаете ли, пиво – коварный напиток, – Чехов скрылся в кустах за «Барбарой».
- Коновалов, а ты не мог как-то менее пафосно объявиться?
- Тебе не понравилось знакомство с Палычем?
- Понравилось.
- Вот и не бухти тогда.
- Я налил пива и другу.
- Ну, как ты там?
- Неплохо. Скоро вернусь.
- То есть перерождение существует?
- Нам нельзя об этом говорить смертным! – прошептал Левчик.
- А, я понял! – также конспиративно ответил я и подмигнул.
- Я чего пришел-то..., – он смачно осадил полстакана, – Ты чего не пишешь?
- А ты откуда знаешь?
- Сказали.
- Кто?
- Не пишешь, чего, говорю?
- Не пишется.
- И ничего не вдохновляет?
- Нет.
- И сейчас?
- Ах, ты ж шельмец.
- Да-да, голубчик, – Коновалов басовито рассмеялся, – Всю силу обретишь ты, когда к истокам вернешься.
- Магистр Йода из тебя так себе. Куда идти-то?
- Ты все поймешь, ты все поймешь, – он залпом допил пиво, – Ладно, я пошел.
- Куда?
- Обратно. Время вышло. Найди меня лет через двадцать и наставь на путь истинный.
- Квантовые нити сведут нас?
- Ты знаешь, как устроен этот мир.
- Как?

- Большие истории пишутся в маленьких каморках. Все ближе, чем ты думаешь.
- Не уходи, Лева! Давай еще по стаканчику!
- Бывай, братик!
- Хорош тебе! Не уходи! – Коновалов скрылся в темноте, я ринулся за ним, но какая-то неведомая сила держала меня, – Лева, стой! Лева! – затем земля под ногами раскололась и тела мои отправились в полет, я закрыл глаза и заорал. Дно. Удар. Открываю глаза. Дом – милый дом. Свалился с дивана. На нем полураздетая Тамара.
- Штольман, чего ты орешь? – недовольно пробухтела она.
- Ты не согласишься!
- Мне все равно, я спать хочу.
- Ага, спи! А мне надо к истокам вернуться.
- Куда? – зевая, Тамара перевернулась на другой бок.
- В клуб любителей высокой культуры.

Любопытство

Ровно два года назад из жизни ушел мой лучший кореш Коновалов Лев Платонович, самый великий из неизданных фантастов. Рукописи его и горели, и переписывались, но так и не нашли места на полке в книжном магазине. Умер он рано и не без моего участия. Отравились мы паленой алкашкой. Я выбрался, а он – нет. С тех пор я ничего не писал. Ни строчки. Такой вот бесславный конец карьеры творца. С тихим равнодушием к миру плутал я по низкооплачиваемым работам, где искал себя, но так и не нашел. На плаву держала лишь Тамара, соседка из тридцать пятой квартиры, что по каким-то неведомым причинам пыталась меня женить на себе. Так и существовал. Без смысла. Без идей. Шарахался туда-сюда со сладковатым омерзением к бытию, и все.

В годовщину смерти друга я решил посетить наше с ним сакральное место. Библиотека за номером пятьдесят восемь. Люберецкий клуб любителей высокой культуры. Иногда там собирались художники от конформизма, конструктивизма и прочих веяний, но чаще проходили чтения. Разный сброд, что считал себя непонятыми гениями, опередившими время, двигал в немногие массы свои нетленки. Писаки. Стихоплеты. И прочие творческие твари. Мыто с Левкой ничего не читали, ибо примкнули к народу, требующему зрелищ и хлеба. В роли хлеба выступала алкашка, которую мы распивали из армейской фляжки, удобно устроившись между стеллажами. Когда-то Левчик устроил там дебош. На фоне разногласий литературного процесса. С тех пор Коновалов и Штольман в черном списке. С тех пор много уж воды утекло. Эта вода унесла в Стикс и Ленину Егоровну, что верой и правдой служила порядку сего места, отчего появился шанс на поминальный проход в клуб.

Не прогадал. Пустили. За организацию отвечала какая-то малолетняя пигалица, инициативно командующая хипстерами на тему, как расставлять стулья и рассаживать гостей. Да-да, вы не ослышались. Теперь весь этот полупьяный сброд именовали гостями. При Ленине Егоровне такой херни не было. Не знаю, к лучшему сие или нет, но занять свое штатное место между стеллажами мне все же разрешили, ибо я не хухры-мухры, а великий писатель земли русской. Правда, непризнанный, непонятный и неизданный. Да, и ладно, тут все такие. Пусть не выебываются.

Зарезервировал возле себя стул, на который посадил дух и память Левчика. Никто не возражал, мест было достаточно. Началось действие. Ну как действие... Раздражающий шорох слов. Какие-то полупокеры начали показывать спектакль о том, как трудно жить поколению «Тик-тока» в этом бушующем мире.

«Левчик! – горько глотнув из фляги водочки, я обратился к другу, – Тургенева там найди и передай ему, что эти ироды делают с его наследием».

– Здравствуйте, здесь занято? – я аж подавился и закашлялся, заведя собеседницу с поэтически воспеваемой задницей. Она же и постучала мне по спине.

– Вы спасли мне жизнь, теперь я обязан на вас жениться! – прошептал я в ответ.

– Десять тысяч в час и без проблем, – улыбнулась неожиданная гостья, – Я сяду?

– В смысле?

– В смысле на стул! – она села на сакральный Левкин стул.

– В смысле десять тысяч в час?

– В прямом, – дамочка сунула руку во внутренний карман кожаной куртки, усилив мой интерес обнаженным декольте, затем протянула визитку, что гласила о том, что она – жрица любви по имени Илона, которую можно найти по соответствующему номеру телефона.

– Не то вы, мадам, место выбрали для поиска потенциальных клиентов. Здесь одна голытьба, что хер без соли доедает.

– А вдруг! – она эротично подмигнула, за что тут же была прощена. Левка бы ее тоже простил, – Я просто литературу люблю, на филолога когда-то училась, но не срослось.

– Тут ни у кого не срослось, – водку я занюхал рукавом, – Будете?

– Водка?

– Ага.

– А вы всегда незнакомых поите водкой?

– Я никогда не теряю интерес к трем вещам: женщинам, алкашке и литературе, а тут все карты на стол легли.

– Что ж... Блок много пил. Есенин. Шолохов. Погружаться, так погружаться, – она приняла фляжку и не морщась отправила ее содержимое гулять до желудка.

– Ах, какая женщина! Жаль, денег нет! – подумал я. Тем временем спектакль закончился, и на сцену вышел какой-то пиздострадалец с диким желанием прочитать поэму о неразделенной любви.

– Чего вы на меня так смотрите?

– Как?

– С желанием.

– Это исключительный восторг.

– Бесплатно ваш восторг удовлетворить не получится.

– Да, я, знаете ли, сторонник бесплатной любви.

– Денег нет? – расстроилась Илона.

– Есть водка.

– За водку вам ничего не светит.

– У меня скорее исследовательский интерес.

– Да-а-а-а? – жрица любви обозначила любовь и к сорокоградусной, – И в чем же?

– Всегда хотел узнать о тонкостях философии древнейшей профессии, особенно с таким бэкграундом.

– Каким это таким?

– Филологическим.

– А-а-а-а! Просто все! Деньги люблю. Литература, к сожалению, не прокормит.

– Не говорите-ка. Уж сколько лет пишу-пишу, а все голодаю.

– Вы – писатель?

– Единственный и неповторимый в своем роде. Виталий Штольман, – я горько отведал водки.

– И большой род у вас?

– Рот у меня большой, жрать хочет, а род маленький, не кормит, отсюда и главная идея – свобода в нищете.

– И какая ж в ней свобода?

– Нет монет, над коими приходится трястись.

– О, как...

– Моя история – не сахар, зато моя.

– Погодите, а я вас знаю.

– Мы пересекались?

– Я вас читала. Вспомнила. Что-то про то, как от вас жена ушла, и вы потом выживали.

– Было дело смалодушничал, – напиток пошел в горло с некой горечью, ибо вина за потерю бывшей жены полностью лежала на моих плечах, – Как быстро прогревается беседа водкой. Уйдем отсюда?

– Домой к вам не пойду.

– На лавочку?

– Я, что вам школьница? На лавочке-то!

– Эм-м-м, я не о том. Сидеть и водить беседы имеется желание.
– Простите, просто неожиданно.
– Что?
– Сидеть и водить беседы!
– Ну так, как?
– А пойдем! – она залихватски махнула рукой и улыбнулась. Такой улыбке обычно малахольные творцы посвящают романы. Быть может, и я бы посвятил, но затянувшийся кризис не позволял этого сделать.

Под вопли косящего под Бродского пиздострадальца мы покинули мир люберецкой литературы и переместились на лавку под свет тусклых фонарей неподалеку.

– Меня так-то не Илоной зовут.
– Я знаю. Каждый вправе на псевдоним в этом мире. Скрываться от глаз чужих глаз удобнее под маской.

– Даша.
– Срываем маски.
– Виталий Штольман – это тоже псевдоним?
– Отнюдь, но масок во мне не меньше, чем в любом другом обитателе этой грешной планеты.

– И какие они?
– Не думаю, что мы настолько близки.
– Вот как? – девчушка по-детски надула губы.
– С вашей-то профессией не знать.
– Штампам поливать решили?
– Не осуждаю. У каждого свой путь. Как идти и куда, определяет нелегкая судьбинушка, – я отпил водки, затем протянул собеседнице, та не отказалась, – Не посчитайте за грубость, но я должен спросить. Вы ж не из-за денег туда пошли?

– От неразделенной любви, – Даша хлопнула и достала тонкие сигареты, закурила, – Был у меня муж. Курсантик из военного училища.

– Бросил?
– Уехал в тайгу угрожать миру ядерными ракетами. Так я обновила паспорт штампом о разводе.

– А как же вся эта романтика про «с милым рай и в шалаше»?
– Не в тайге ж.
– Ну и не на панели.
– Все же осуждаете?
– Исследую.
– Не нравится мне ваше исследование.
– У писателей так заведено, – я последовал примеру никотинового отравления вслед за собеседницей.

– Книгу хотите написать о проститутке?
– Не думаю. Ниша занята. Плотно. Куда уж нам с вами, – из библиотеки шумно вышла толпа, – Я лучше об этих проститутках напишу. Эти ближе. Эти роднее.
– Не понимаю, – Даша затушила бычок об асфальт и выкинула его в урну.
– Весь мир – это одна большая панель. Одни продают, другие покупают.
– Бодрийяр?
– Собирательное.
– Ясно, – жрица любви многозначительно посмотрела на часы.
– Беседа их еще не мертва, но уже бьется в конвульсиях, – я подвел итог, – Вам пора идти?
– Скоро рабочий день начнется.

– Ночь.

– Ах, да.

– Знаете ли, у меня сегодня двойная годовщина, – рука моя оценила остатки водки путем болтания фляжки, – Поминаю друга, что не перенес всех сложностей бытия. Составите компанию?

– Я ж его не знала.

– А, чтобы помянуть хорошего человека необязательно его знать.

– Он был хорошим?

– Лучшим.

– Тогда давайте.

Мы допили водку, помолчали с пару минут, слушая жужжащих насекомых.

– А почему двойная годовщина?

– С тех пор, как ушел мой друг, больше и не писал. Решил стать ботом. Как все.

– Стали?

– Ага.

– Нравится?

– Нет.

– Так пишите! – резкий гудок оповестил Дашу о сообщении, она прочитала его и резко начала собираться, – Вы меня извините, но надо идти. Работа.

– Да-да, я помню, литературой сыт не будешь. Такая вот обуза трагизма.

– Спасибо за приятную беседу.

– И вам.

– Мне то за что?

– Захотелось творить.

– Книгу будете писать? О чем?

– Тяжелые книги пишутся легким пером.

– Красиво сказано.

– Навеяло.

– Получается, теперь я ваша муза?

– Получается.

– Позвоните мне, как соскучитесь. Поболтаем.

– За десять тысяч в час?

– Сделаю скидку.

– Вам придется сделать серьезную скидку, – я театрально вывернул карманы.

– Я знаю. Прощайте, Виталий! – Она развернулась и пошла.

– Прощайте, Даша!

В тот вечер я написал сорок страниц.

Счетчик

Как полагается типичному работяге, совершенно немотивированному на бурную деятельность, мой счетчик электроэнергии после пяти лет непрерывной работы устал. Сначала перестал показывать графу «Итого», ограничившись показателями дневного и ночного потребления, а затем окончательно выгорел, оставив хозяина в неведении о сжигаемых им киловаттах.

Оплакав и выдержав траур по почившему товарищу, что служил мне верой и правдой, я отправился в управляющую компанию «Уют в доме». С порога почувствовал себя неуютно, ибо был встречен презренным взглядом тучной тетюшки, чей древний род уходил ко всезнающему герцогу преисподней Данталиону, и ее же громким прихлебыванием кофейка из кружки с надписью: «Работаю, пока вы отдыхаете».

– Здравствуйте, у меня счетчик сгорел, – мой жалостливый голос обозначил корень проблемы.

– Какой?

– Электрический.

– Ясно.

– Делать-то что?

– Менять.

– А как?

– «Мосэнергобит» меняет бесплатно, – тетюшка смачно отпила кофейка, – но это полгода, а там счетчиков нет, может, год... Может, два. Лучше сами купите, а то ж мы по среднему начнем начислять, – безмятежность стала уходить в жестокую форму агрессивного бурчания, – Идите-идите, купите счетчик, приходите, мы вам за тысячу поменяем.

Поиск в интернете аналогов почившего друга дал результат, что говорил о незапланированных расходах в размере четырех тысяч за счетчик и озвученной тысячи за замену.

– А сколько по среднему платить?

– Дорого!

– А если точнее?

– Эх, – родственница Данталиона грубо вздохнула, вновь отпила кофека, достала какую-то папку с файлами, неспешно полистала ее, – Не нашлось. Что ж... Судьба не благоволит. Поищите в интернете. Сами.

– Осталось лишь добавить: «Мы все приговорены к смерти. Не стоит тешить себя иллюзиями», – пролепетала моя душа, познавшая резкость отказа.

Снова поиски в интернете. Ожидание надежды. Оказалось, что платить-то не так уж и дорого, если ты прописан в квартире один. Прямо даже и не знаю, на кого излить благодарность.

– Буду платить по среднему! – Обозначил я буржуйские наклонности. – Как поменять счетчик бесплатно?

– Заявление надо писать, – Небрежно бросила парой слов собеседница. Ее пассивная роль в этом мире начинала вымораживать.

– А где образец?

– На доске.

– А где доска?

Судя по всему, тетюшка потратила весь запас энергии на беседу со мной, отчего удалось ей лишь поднять палец в сторону противоположной стены, где действительно находились образцы самых различных заявлений.

– А бланк дадите?

– Оксана, тут заявление! – на последнем издыхании выкрикнула она и ушла в энергосберегающий режим.

Через пару минут предо мной предстала рыжеволосая женщина лет сорока с довольно-таки хитрющим взглядом.

– Здрасти, вам чего?

– Мне бланк, чтоб счетчик поменять бесплатно.

– Это долго! Вы знаете, да? Лучше сами поменяйте!

– Меня ждет смерть, а жду ли ее я?

– Что?

– Зато бесплатно, говорю.

– Нет, вы что-то про смерть сказали.

– Говорить за нас должны книги. Крепко жму руку. С любовью, Виталий Штольман!

– Молодой человек, – руки ее пошли упирать бока, – вы сюда шуточки пришли шутить?

– Милочка, мне счетчик поменять! Утолите мою страсть?

– Вы ко мне подкатываете?

– Так-так-так! – родственница Данталиона вышла из энергосберегающего режима.

– Вера Григорьевна, даже не начинайте! – Оксана переключилась на коллегу, – Не пойду я больше замуж. Нечего мне там делать. Три раза была. Хватит с меня!

– Жаль! – опечаленная тетушка вернулась в вегетативное состояние.

– Любовь – не обязательство.

– Это вы мне?

– Ну да.

– По среднему будете платить!

– Это вы мне?

– Ну да.

– Туше.

– И? – в душу этой грешной женщины вселился дьявольский дирижер, что активно махал руками. Вероятно, ей было, что еще сообщить, но всех козырей она раскрывать не стала. Они у нее точно имелись. Их наличие выдавал огонь преисподней, разгорающийся в глазах. Мне стало страшно.

– Дайте бланк! – вывалилось из меня в духе испугавшегося козленочка, пред которым обнажил пасть серый волк.

Оксана покопалась в тумбочке и выдала бланк. Заполнить его с первого раза не вышло, ибо пришлось возвращаться домой, чтобы добыть тактико-технические характеристики погибшего на работе товарища. Было сложно, но я справился. Не зря ж в институте учился. Человек с высшим образованием и не на такое способен, особенно, если работает не по специальности. Да и сдать неправильно оформленный бланк разъяренной Оксане было сродни самоубийству. Заявление приняли. Миссия выполнена. Так казалось мне...

Прошел год, затем еще один. Да-да, я еще тот любитель откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, однако ж терпение лопнуло. Переполненный воинственными чувствами отправился в «Уют в доме». Там по-прежнему казалось неуютно, и по-прежнему тучная тетушка награждала всех залетных путников презренным взглядом и мелодией затяжного прихлебывания.

– Здравствуйте, я два года назад писал заявление на замену счетчика, но мне его так и не поменяли.

– Окса-а-а-а-на, счетчики! – та нисколько не располагала к беседе, отчего тут же перенаправила меня к нужному специалисту и вернулась к медитации над модным глянцевым журналом с кричащей обложкой, гласящей о том, что картины, рожденные в мучениях, обязаны быть украденными из Лувра.

Пришла Оксана. Яркая, но с душой подмосковной электрички.

– Здрасти, вам чего?

– Я два года назад писал заявление на замену счетчика, но мне его так и не поменяли.

– Когда?

– В двадцать третьем году. Осенью.

– Ждите!

Она уходит. Через пять минут неловкого молчания меня и тетуски с кофе, что безмятежно перелистывала глянцевые страницы, Оксана вернулась на вороном коне, достала из ножен шашку и начала размахивать ей, как молодой Чапай.

– Мы все отправили! Все вопросы в «Мосэнергобит»! Звоните им! Вот, видите, их подпись о приеме в делопроизводство.

– Аргумент.

– У нас тут вообще-то серьезная организация, а не какой-то там... Не какой-то там «Шараш-монтаж».

– Можно сфотографировать документ?

– Да, пожалуйста!

На воинственной ноте я покинул «Уют в доме». Настроение было разнести в пух и прах весь «Мосэнергобит», чтоб о нем не осталось даже упоминания в истории. Это моя миссия. Я рожден для нее. Битвы не случилось. Еще на подходах к врагу атака встала на переговорах с ботом, который двадцать пять раз спрашивал меня, что мне угодно, и я двадцать пять раз просил соединить с человеком. Бездушная машина не решить такой вопрос, нужен бездушный человек. После повторения фразы «Имя Ибрагим вам о чем-нибудь говорит?» машины отступили, Зион спасен, а Нео отправился на схватку с агентами. Правда, пришлось сначала тридцать минут слушать заикленную классическую музыку. Первым на ринг вышел Иван, что отчеканил заученную речь, направленную на всеисчерпывающую помощь. Озвучил ему проблему. Тот попросил подождать меня минуточку. Снова музыка. Вернулся через шесть и перевел беседу на Камиля. Озвучил проблему и ему. Тот попросил подождать еще минуточку. Музыка. Через восемь минут на связь вышла Наталья, что дьявольски холодно заявила об отсутствии моей заявки в их базе данных. Но в этот раз им меня не проведешь. В этот раз я готов. Как никогда. Это моя миссия. Я рожден для нее. Протест, мол, есть исходящий, есть подпись о приеме на входящий в делопроизводство «Мосэнергобита». Музыка. Через двенадцать минут Наталья вернулась, много извинялась и предложила составить очень срочную заявку со сроком исполнения в тридцать рабочих дней. Пришлось согласиться. Победа. Как оказалось, не в войне, а лишь в битве. Враг сдаваться не желал, а лишь копил силы, для новых козней.

Прошло тридцать рабочих дней, счетчик так и не поменяли.

Звоню в «Мосэнергобит». Традиционно пришлось победить глупую бездушную машину и послушать музыку. В этот раз я точно готов. Как никогда. Это моя миссия. Я рожден для нее. Через восемнадцать минут ненавистного ожидания на связь вышел Алексей, что без сожаления и жалости вонзил нож в мои страдания, ибо выяснилось страшное: никакая моя заявка не срочная, а самая обычная, то есть придется ждать еще полгода. А враг хорош. Чертовски хорош. Наорал на Алексея, он не слушал и талдычил заученные формулы общения с клиентами. Я бросил трубку. Расстроился, что у меня нет тайной книги с черной магией. Сейчас бы она прилась очень даже кстати, ибо желание наложить порчу на кого-то из «Мосэнергобита» преобладало в разуме.

Это еще не поражение. Нет-нет! Я лишь набираю разгон для новой атаки. Вспомнил о существовании «Добродела», сайта для отчаявшихся ябед. Новые круги ада по восстановлению пароля, закреплению «Госуслуг» и прочих требований, но меня уже не остановить. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. В красках катаю жалобу.

Прошло восемь дней, счетчик так и не поменяли.

Неожиданный звонок. Какая-то уставшая бабушка из администрации Люберец заверила, что она – мой новый союзник и вместе мы покажем этим ракам, как свистеть на горе. Не ожи-

дал столь щедрого подарка от судьбы. Бабушка отправила весточки во все возможные адреса с кличем о помощи. Оставалось лишь ждать, когда и ее вассалы встанут под мои знамена. Радуюсь. Закрыв заявку с жалобой

Прошло десять дней, счетчик так и не поменяли.

Надежда умерла. Катаю в «Добродел» новую кляузу. Ее направили в «Уют в доме» который дерзко послал меня, мол, мы за счетчики не отвечаем, иди в ху... ресурсную организацию. Злой, как пес, катаю новую жалобу, где требую призвать к ответственности «Мосэнергобит».

Прошло шесть дней, счетчик так и не поменяли.

На почту пришел ответ от «Мосэнергобита», мол, теперь точно внесли вас в реестр срочных заявок. Прямо точно-точно. Закрой только жалобу на «Доброделе» и к двадцатому февраля все будет шито-крыто, ты только жди и обеспечь доступ к щитку. На радостях повелся. Открыл щиток. Вдруг добрый электрик придет, а тут закрыто. Негоже. Уйдет еще, а я ж долгие годы его ждал. Я все-таки гостеприимный хозяин.

Прошло семнадцать дней, счетчик так и не поменяли.

Наступил день «Ч», двадцатое февраля. Негодую. Проверил щиток в подъезде. Открыт. Счетчик старый и мертвый. С разгону залетаю за компьютер и катаю новую жалобу в «Добродел». Хотел начать с фразы: «Да вы там охуели все совсем?» – но все же одумался, придумал цензурное негодование, я ж все-таки великий писатель земли русской, умею.

Прошло пять дней, счетчик так и не поменяли.

Звонок.

– Здравствуйте, это Виталий Александрович?

– Да, кто это?

– «Мосэнергобит». Завтра дома будете? Счетчик приедем менять.

– Враг ваш помер уж давно и как пять лет лежит в земле.

– Что?

– Это правда вы? Счетчик приедете менять? Мне это не снится?

– Я правильно позвонил, да? Это господин Штольман?

– Да-да, то есть ничего, все нормально. Это я от робкого волнения. Не каждый день слышишь о восьмом чуде света.

– Ясно. До завтра.

К обеду следующего дня приехал похмельный электрик. Без оркестра, но с полагающимся торжественным презрением я встретил его на площадке. Прежде чем приступить к работе, тот затребовал сигаретку. И зажигалку. Обкурил предстоящие работы. Рассказал о том, что сигареты любит больше, чем жену, мол, с ними он двадцать лет, и это навсегда, они же и упекут его в могилу. В принципе и супружница может, если захочет, причем сделает это быстрее, но это уже другая история. Затем деляга достал из сумки чекушку. Водка исцелила его тряску рук. Объявился и главный гвоздь программы. Счетчик. Спустя десять минут работы электрика он заступил на пост.

– Ну все!

– А паспорт на счетчик где? – поинтересовался я.

– Дома забыл! – без доли стыда ответил электрик, – Вот! – Он протянул сальную бумажку, которая в девичестве возмнила себя уважающим бланком.

– Это что?

– Это акт, что я вам счетчик поменял.

– А чего тут номер какой-то зачеркнут?

– Это я не то написал. Ниже-то правильный.

– А так можно?

– Можно.

– А паспорт как забрать?

– А на кой тебе паспорт?

– Не знаю.

– Не нужен тебе паспорт, отвечаю! Сигаретку дай!

– Держите.

– От души! – Он сунул сигарету за ухо и начал собирать пожитки обратно, – Через месяц в системе поменяется номер, можешь подавать цифры.

– Спасибо!

Он ушел, оставив меня с сальной бумажкой и чувством собственного достоинства. Кажется, я сделал невозможное. Я победил ЖКХ.

Спустя месяц «Мосэнергобит» нанес ответный удар, выставив счет и по среднему, и по показаниям нового счетчика. Что ж... Ждите возвращения джедая Штольмана! Да, придёт с ним сила!

Подозрительные люди

Сбитый с ритма жизни Виктор Петрович Сковородин сидел за столом и неодобрительно поглядывал, то на дымящуюся жареную картошку со стаканом молока, то на жену Марфу Ильиничну, то на внука Петрушку. Картина вроде казалась обычной, но в то же время становилась и важной вехой в отвращении его к домочадцам, которые явно что-то скрывали. Что именно они скрывали, стоило только догадываться?

– Дедушка, а американцы правда летали на Луну? – Внук решил нарушить утомительную для юного мозга тишину.

– Кто тебе это сказал? – Самое худшее, что было в деде, обычно выплескивалось и пованивало.

– В интернете видосик посмотрел.

– Про американцев он не зря спросил, – подумал Виктор Петрович, – откуда шестилетка знает о сфабрикованном полете на Луну? Нет, он не может этого знать. Это явная провокация, но кто за ней стоит? Марфа? – Он посмотрел на жену, уложившую сковородку в раковину и перемещавшуюся к столу.

– Летали-летали! – Бабушка удовлетворила любопытство Петрушки и взялась за картошечку.

– Попалась! – Готовые рецепты вызвали у него сомнения, отчего страшные мысли зазвучали еще сильнее, – Какая трагическая история образовалась в доме твоём, Виктор Петрович. Жену завербовало ЦРУ, может, и Моссад, а она завербовала внука. Как бесчеловечно, Марфа!

– Ты чего ворон считаешь? – спросила жена, чем вызвала истерический смех у внука, – А ты чего хохочешь? Ешь давай! Остынет!

– Нет, они явно ждут моей реакции. Если я скажу, что американцы и правда летали на Луну, то Марфа будет пытаться и дальше меня вербовать, а если нет? Если воспротивиться? Тогда я стану угрозой для их конспирации, и она убьет меня? Задушит ночью подушкой, и, испытывая флер упоения, скажет, что сам помер от апноэ. Храпел-храпел, а потом перестал. Боже, какой тотальный цинизм!

– Дедушка, а правда, что американцы на нас санкции наложили, но нам на них плевать?

– Какая подозрительная осведомленность для столь юной рефлексирующей пустышки, – голова Сковородина не прекращала обработку полученных данных извне, однако пришлось нагрузить ее дополнительным процессом светской беседы, чтоб не вызвать подозрений, – Кто тебе это сказал?

– Некрасивая тетка из телевизора.

– Еще одна провокация, – в голове Виктора Петровича назревал ураган, – Эх, Марфа-Марфа, сорок лет с тобой живу, а ты на старости лет решила Родину предать? Еще и меня через внука саботируешь? Какая гениальная неудача! Не на того напала! Думаешь, если в юности вошла в конфликт с миром и забыла выйти до сих пор, то я с тобой не справлюсь? Я тут как бы не чемпион последнего места, потому справлюсь. Еще как справлюсь!

– Ешь давай! – не выдержала бабушка, забурчав на внука, – Когда я ем, я глух и нем, да?

– Молча сидеть скучно.

– Подавишься и умрешь.

– Не подавлюсь!

– Подавишься!

– Не подавлюсь!

– Как хорошо разыгрывают сцену! Невероятное чувство близости! – Сковородин приступил к картошке, чтобы не выдать себя, – Надо кому-то сообщить, но кому? Вдруг они следят

за мной. Я должен не подавать виду. Эту предательницу уже не спасти, а вот внушка еще очень даже, – он зачем-то встал.

– Ты чего?

– Мне нужно в туалет, – Виктор Петрович озвучил первое, что стукнуло в голову.

– Спасибо за информацию! Мы тут едим, как бы! – забухтела Марфа Ильинична, Петрушка звонко рассмеялся, – Чего ты хохочешь? Так делать нельзя!

– А почему дедушке можно?

– Когда я ем, я глух и нем, да?

– А почему дедушке можно?

Виктор Петрович, картинно держась за живот, отправился в туалет, прихватив с собой смартфон, который ему подарили дети, хоть он и противился. К счастью, у Сквородиных совмещенный санузел, что даровал возможность заглушить происходящее в закулисье. Он включил холодную воду, но не сильно. Вербовка иностранными спецслужбами, конечно, дело важное и серьезное, однако ж счета за ЖКХ никто не отменял. У этой конторы более серьезный покровитель. Сатана. С ними лучше вообще не шутить, а то снова повысит тарифы.

– Здравия желаю, товарищ майор! – прошептал Сквородин в телефон, – Прием-прием! – он зачем-то постучал по телефону, – Как слышно? Хотя, как вы мне ответите? Тут такое случилось, тут такое случилось! Простите, не представился. А, вы ж и так знаете! Но все равно продублирую, чтоб свидетельские показания имели личность. Говорит... Нет, докладывает Виктор Петрович Сквородин, проживающий по адресу: город Белосветск, улица Восьмого марта, дом семнадцать, квартира двадцать два. Мою жену завербовало ЦРУ, может, и Моссад, а она завербовала внука. Мне нужна ваша помощь. Как себя вести? Докладываю, что Родину люблю, готов на любые жертвы и решительные действия.

– Слышь, баламошка, ты там из ума выжил, шоль? – в дверь тарабанила Марфа Ильинична.

– Она догадалась. Она догадалась. Сейчас объявятся ее иностранные покровители и порешат меня. Прямо здесь. Из пистолета с глушителем. Я в сериале такое видел. Без свидетелей. Без жалости. По беспределу.

– Ты цены на коммуналку видел? – Голос жены стал агрессивнее. – Мне почку продать потом, чтоб оплатить водопад, который ты там устроил?

– Товарищ майор, вынужден откланяться! Угроза раскрытия! Угроза раскрытия! Конец связи! – прошептал Сквородин в телефон и выключил воду, – Руки мыл, – он вышел из конспиративного туалета.

– Долго моешь. Москвич, шоль?

– Мне надо подышать.

– Петрушку с собой возьми, – Марфа Ильинична отправилась на кухню мыть сковородку, совершенно потеряв интерес к мужу.

– Ясно все, они боятся оставлять меня одного. Мало ли, я их сдам. Она догадалась, что я догадался.

– Дедушка, а правда, что «че» по-китайски «жопа»? – внук вновь расхохотался.

– Ба-а-а-а, тут еще и ГРУ из Поднебесной подключилось, но зачем? Мы же с ними друзья нынче. Как сложно стало жить, уж совсем не разобраться. Одни враги вокруг, береги только спину, чтоб в нее не вонзили острый нож.

– Деда, ну правда или нет, чего ты молчишь?

– Правда.

– Я так и знал. Я так и знал. Гулять идем, да? Гулять идем, да?

– Нет, мне надо по делам.

– Бабушка, – Петрушка пустил такую слезу, что даже бы Станиславский поверил, – Деда не хочет со мной идти гулять! Можно, я тогда во дворе в футбол поиграю, а ты в окошко за мной присмотришь, ага?

– Пусть захочет! – донеслось с кухни сквозь звук потока воды.

– А ты цены на коммуналку видела? – Виктор Петрович попытался отвести подозрения от себя в сторону.

– Поговори мне тут. Петрушку взял и гулять.

– Как плотно ее обработали. Дешевые душонки мнят себя дорогими. Смешно. Пути назад нет, как и женщины, которую я когда-то любил.

– Деда, а пойдем в парк.

– Пойдем, – тяжело вздохнул Сковородин.

По пути до назначенного места Виктор Петрович делал вид, будто ему интересна болтовня внука, однако ж мозг того был занят поиском тайных знаков, что должен послать ему майор из телефона, но они все не объявлялись.

В парке Сковородин спрятался от палящего летнего солнца под раскидистыми деревьями и приступил к чтению новостей в свежей газете. Петрушка же совершенно потерял интерес к деду, когда увидел друзей, исполняющих пируэты на турниках. Виктор Петрович остался наедине со свежей прессой. Новости неутешительные: враги вокруг и везде, но об этом он знал и без них. У него ж дома развернулась целая агентурная сеть.

Зазвонил телефон. Сын.

– Здорова, бать!

– Здорова!

– Как ты там?

– Нормально.

– А мать чего жалуется?

– Она уже сорок лет жалуется.

– Как там Петрушка?

– На площадке вон с ребятами играет.

– Вы гулять пошли?

– Ага.

– А мать, чего не взяли?

– У нее дела.

– Какие у нее дела?

– Я почем знаю, какие у нее дела? Сковородку, наверно, еще моет. Тебе надо, вот позвони и спроси.

– Заеду вечером.

– Зачем?

– Соскучился.

– Заезжай.

– Давай.

– Ага, – Сковородин сбросил звонок и горько вздохнул, – И этого завербовали. Эх! Не семья, а сборище предателей! – затем он приблизил телефон ко рту, осторожно огляделся по сторонам и зашептал, – Товарищ майор, товарищ майор, беда! Сына тоже завербовали! А жена меня спланировала с внуком гулять, чтоб встретиться со своими кураторами из ЦРУ, Моссада или ГРУ из Поднебесной. Точно не знаю, с кем, но, думаю, вы разберетесь. Думаю, вы уже организовали за ней слежку. Считаю, сие правильным, но хочу предостеречь вас, чтоб держали ухо востро, а то ей палец в рот не клади, по локоть откусит.

Беседу с высшими силами прервала тучная тетушка с добрыми чертами лица и пакетом хлеба, который тут же отправился на корм местным голубям.

- Здравствуйте! – она дежурно начала беседу.
- Здравствуйте, а мы знакомы?
- Все люди братья и сестры.
- Не все.
- Ну мы-то с вами на одной стороне, – многозначительно улыбнулась тетушка.
- На какой-такой стороне?
- Видела, как вы с ним разговаривали.
- С кем это с ним?
- Ну с ним! – она указала наверх.
- Ах, с ним? – обрадовался Виктор Петрович, уловив в ее голосе дружественные намерения, – Ну да, с ним. А вы от него?
- Все мы от него.
- Весточку принесли?
- Если бы я могла, то совершенно другими делами занималась.
- Так, что мне делать?
- Вам? А ничего.
- Как это ничего, когда жизнь так складывается?
- Надо идти вперед, несмотря ни на что.
- Это он так сказал?
- Ага.
- Это хорошо, а сам он что-то планирует делать?
- Сами-то посудите, – она добродушно рассмеялась, – Кто ж меня смертную в дела важных чинов поставит? Может, и планирует, а может, и не планирует. Остается только ждать, когда созидательные действия спустятся до нас.
- Понял-принял, буду ждать до последней возможности.
- Ладно, пойду я. Миссия моя выполнена.
- Передавайте ему, что грехов за мной никаких нет и ни в чем я не повинен.
- А это уж там, – тетушка указала пальцем вверх, – разберутся в отражениях земной жизни.
- Надеюсь на гуманный суд.
- Все надеются. До свидания! – она ушла.
- Вон оно, как, оказывается, все работает! – озадачился Сковородин и громким шепотом сообщил телефону, – Всегда на страже правопорядка, товарищ майор! Это все несущественное! Мы эту гидру на корню истребим! Себя не пожалеем, но истребим!
- Прибежал Петрушка и потащил деда за мороженым. Виктор Петрович решил, что сие неспроста, ибо мороженщица могла быть тайным связным и передать послание для Марфы через внука. Проверил содержимое эскимо. Ничего. «Хитрые твари!» – подумал он и отправился домой, в самую рассадницу зла.
- Дома Сковородин жены не обнаружил, а Петрушка тут же засел за ноутбук с целью передачи кураторам информации, полученной при взаимодействии со спящими агентами в парке.
- Ну ничего! Мы вас выведем на чистую воду! – Виктор Петрович взял телефон и отправился в переговорный пункт, где традиционно включил воду, – Товарищ майор, докладывает Сковородин. Обстановка беспокойная. Марфа покинула расположение квартиры, вероятно, для получения новых указаний от ЦРУ, Моссада или ГРУ из Поднебесной. Петрушка, вероятно, встречался на площадке с тайными агентами. Я всех запомнил. Андрюшка. Илюшка. Ильнарка. Володька. Возможно, имена вымышленные, как и их легенды, но вы уж там все выясните, я просто уверен. Сейчас внук передает информацию по средствам интернета через какую-то игру с кубическими человечками. Не знаю, что это, но кажется, дело обретает нешуточный оборот.

- Деда, ты там? – из-за двери раздался голос Петрушки, – Пусти, я писать хочу.
- Следит за мной. Точно следит.
- Деда, я сейчас лопну.

Сковородин покинул пост связи и отправился к телевизору, где показывали сериал о том, как бравые чекисты борются с врагами, выдающих себя за друзей. Прикимарил. Снился ему сон, как в дом врывается спецназ во главе с крепким товарищем майором с пышными усами, что размахивает пистолетом Макарова и кричит, мол, все предатели обличены и будут преданы суду, затем Марфу и Петрушку уводят в наручниках, а Виктору Петровичу вручают грамоту и медаль за борьбу со шпионами. Чем закончилась история, он так и не узнал, ибо вернулся в реальный мир из-за тряски.

- Батя, батя, ты чего?
- Ты кто? – Сковородин открыл глаза, пред ним стоял взволнованный сын.
- Как это кто? Я – сын твой. Егор.
- Я имею в виду враг или друг?
- Чего?
- Чего-чего? Смерти моей захотел? Трясешь тут, как будто землетрясение.
- Боязно стало. Ты кричал: «Служу Отечеству!» несколько раз. Ты бы это, завязывал столько сериалов про шпионов смотреть.
- Боязно ему стало. Жить всегда боязно. Не знаешь, вот, сынка родненький тебя на тот свет отправить собирается или нет.
- Бать, у тебя снова, да?
- Чего приперся-то?
- Проведать тебя.
- Проведал?
- Ага.
- Ну, пока! – Виктор Петрович показушно уткнулся в телевизор, где следователь активно вел допрос.

- Я так и думал, что мама тебя покрывает.
- Чего? Мама меня покрывает? Она вообще из этих. Из врагов. И внука, сынишку твоего, тоже втянула. Не удивлюсь, что и ты тоже переметнулся, гадина. Квартиру мою захотел? Шиш тебе! Скоро за вами всеми придут. Пакуйте, вещички! – Сковородин злобно рассмеялся, – А мне грамоту в рамке дадут и медаль.

- Аллю, скорая! – Егор вышел из комнаты, – Тут человеку плохо... Психиатрия!
- Ну уж нет! Не дамся! – Виктор Петрович схватил телефон и забаррикадировался в туалете, – Товарищ майор, товарищ майор, я раскрыт! Враги хотят упечь меня в психушку! Требую срочной эвакуации! Времени осталось мало! Слишком мало! Аллю, прием-прием! Докладывает Сковородин. Требую срочной эвакуации по адресу: город Белосветск, улица Восьмого марта, дом семнадцать, квартира двадцать два. Повторяю, город Белосветск, улица Восьмого марта, дом семнадцать, квартира двадцать два.

- Бать, открой, это не смешно!
- Товарищ майор, товарищ майор, докладывает Сковородин, держу оборону, но силы на исходе. Требую срочной эвакуации! Требую срочной эвакуации!

Через час бастин пал, а Виктора Петровича скрутили посланцы империалистических разведок в белых халатах.

- Ничего! После десятой неудачи перестаешь вообще обращать на них внимание! Рутинка, не более того! – орал рассекреченный агент, когда его паковали в машину скорой помощи, – Я еще вернусь, и всем вражинам несдобровать! Слышите, твари!

– Виктор Петрович, – еле слышно к нему обратился один из крепких санитаров, – вы же запрашивали срочную эвакуацию.

– Ну да, – буйный перестал сопротивляться, – А вы от него? – он указал головой вверх.

– Ага, только тише, чтобы они ничего не поняли.

– Вы не настоящая скорая? – прошептал Сковородин.

– Так точно.

– Тогда поехали скорее! – Виктор Петрович сам запрыгнул в машину, – Поехали-поехали, чего же мы стоим?

Дверь скорой захлопнулась. Машина тут же завелась и отправилась в путь.

Егор сел на лавочку и закурил. Вышла Марфа Ильинична.

– Как перед соседями-то стыдно!

– Не говори-ка, мам!

– Как думаешь, надолго его в этот раз?

– Да, кто ж его знает-то? Это только ему известно! – он кивнул головой вверх, – Собери вещи, отвезу в больницу!

Марта

Кошка у меня была в детстве. Мартой звали. Потомственная сиамская, голубых кровей, всяких там подзаборных Барсиков с приторными ухаживаниями она к себе не подпускала, отчего истошно орала, то ли от голода, то ли от невыносимой сложности бытия, и злая, как сука... По той же неведомой мне причине. Однако ж по свободной воле, переданной этой отважной женщине в кошачьем облике с молоком матери, желала та светских прогулок вокруг дома. Голубая кровь, сучьи нравы и кровожадное представление о мире установили военную диктатуру на территории близлежащих домов. Отгребали все: кошкам и собакам, независимо от размера, выписывались штрафы в виде ударов когтистых лап по шерстяным мордам; наивным детишкам, решившим вероломно вторгнуться в границы королевы Марты, доставалось не меньше; а мышкам-норушкам и птичкам-невеличкам Ее Жесточайшество объявило геноцид.

Я побаивался эту бешенную животинушку, ибо когда она приходила ко мне спать, то кровать автоматически становилась ее владением. Старался не шевелиться, потому что видел, как Марта расправляется с врагами. Тут лучше дружить. Бояться, пресмыкаться и дружить. Других вариантов не имелось. Уверен, что в прошлой жизни она была фамильяром, служившим какой-то могущественной злой ведьме, которой кто-то из моих предков перешел дорогу, отчего та наслала проклятие в виде сего демона. Инквизиторы канули в лета, вот они и распоясались, но в подземельях нашего дома нашелся тот, кто осмелился бросить вызов слуге ада — отважный крыс без имени, что прогрыз себе путь к остаткам наших размашистых пожитков и наведывался во мраке ночи, дабы отведать вкуснейших яств. Как ни охотилась за ним Марта, ловкач всегда был на шаг впереди. Сие противостояние совсем не приходилось по душе нашему семейству, потому батя встал на сторону Ее Жесточайшества и пытался заколотить отверстие в подвал, да раскидал мышеловок, однако ж безымянный крыс все равно находил изысканные способы, как безвредно для себя поживиться объедками. Даже металлические листы не могли остановить напор дерзкого грабителя.

Марта потеряла весь интерес к власти, добытой во дворе. Перестала там появляться, чем вызвала народные волнения и кровопролитную борьбу за освободившийся трон. Война с крысом поглотила ее ужаленное эго. Ночь за ночью та патрулировала вверенную ей паспортным столом территорию. И вот однажды враг допустил ошибку, за что и поплатился жесточайшей расправой.

Утром все семейство было разбужено истошным визгом запрыгнувшей на стол матери, что завидела, как Марта разделала на потроха безымянного крыса и вытащила ошметки того на середину кухни, где представила хозяйке в виде доказательства победы над ночным разбойником. Объявился батя, снял мать со стола, отнес ее за пределы радиуса действия ее зрения, венником смел останки поверженного родового врага, затем выбросил их, а спасительницу наградил «Вискасом». Я стал бояться эту бестию еще больше.

Когда вендетта Марты закончилась, она вернулась во двор и вновь захватила власть, где еще год реализовывала методы опричнины. Погибла она, как настоящий викинг, в драке с ротвейлером. Уверен я, что она теперь с Одином пирует в Вальхалле. А я с тех пор стал спокойнее спать, ведь мне купили черепашу.

Следственный эксперимент

Под звуки воплей восьмилетнего Вити, играющего в «Контр-Страйк», Марина созерцала легкую корейскую дораму под нотки белого сухого. Совершенно ничего не предвещало беды, пока телефон не уведомил о надвигающейся метели, ветре двенадцать-семнадцать метров в секунду, а также снежные заносы. Сообщения эти слал не МЧС, а госпожа Юлия Пирожочкина, решившая провести переговоры на самом высоком уровне в десять часов вечера субботы и ринувшаяся в атаку на школьный чат: «МАМА ВИТИ, ПРОШУ ВАС СРОЧНО ОТПИСАТЬСЯ МНЕ В ЛИЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ!»

– Как будто наорала? – Марина не оценила трагический фарс и отпила винишка, – Вить, что ты опять натворил? – Мальчонка ничего не слышал в наушниках, – Ясно. Ну понеслась, – она набрала ответное сообщение таинственно объявившейся женщине: «Юлия, доброй ночи! Что-то случилось?»

– ДА, СЛУЧИЛОСЬ! У МЕНЯ ТОЛЬКО ОДИН ВОПРОС, ТАК КАК МЫ НОВЕНЬКИЕ, Я НЕ ЗНАЮ ВСЕХ В КЛАССЕ. ТАКОЙ ВОПРОС, ВЫ У НАС ЕДИНСТВЕННЫЕ В КЛАССЕ? Я ИМЕЮ В ВИДУ СЫНА ПО ИМЕНИ ВИТЯ?

– Как блистательно играет эталонное страдание. Чего орать-то? – подумала она и напечатала сухой текст: «Вроде, да!» – Чую, вопрос у нее не один. Что ж... Отправляем.

– ХОРОШО. МОЖНО СЕЙЧАС С ВАМИ СОЗВОНИТЬСЯ?

– Опыт, – Марина отпила винишка, – Как в воду глядела. В десять вечера? Созвониться? Для ума не поздновато? Вы там вообще охренели? – она толкнула сына, чтобы тот снял наушники, – Как дела в школе?

– Все хорошо, мама! – Витя снова надел наушники.

– Еще десять минут и спать, понял?

– Что? – мальчонка снял наушники.

– Еще десять минут и спать, понял?

– Ага! – Витя снова надел наушники.

Марина вышла на орбиту тревожной мысли, но общаться с неожиданной ночной собеседницей желания особо не имелось, потому решила вырулить диалог в более мирное русло: «А в чем заключается вопрос? Я просто не очень понимаю сейчас!»

Ответ пришел молниеносно, будто на том конце виртуального провода сидела реактивная машинистка, рьяно долбя по клавиатуре и плюясь в монитор: «ЭТО РАЗГОВОР НЕ ПО СМС. НАПИШИТЕ СВОЙ НОМЕР ТЕЛЕФОНА ПОЖАЛУЙСТА. ПРОСТО ПОКА ЭТО Я НЕ РАЗГЛОШАЮ НА ВСЕОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ. А ХОЧУ ПОГОВОРИТЬ ЛИЧНО».

– Витя, Витя! – Марина помахала ребенку, тот снял наушники.

– Все, спать? – он залихватски закрыл ноутбук.

– Вить, ты кого-то убил?

– Что? Нет!

– Бил?

– Что? Нет!

– Деньги отбирал?

– Что? Нет!

– Иди, кровать разбирай и спать!

– Хорошо! – Витя из точки тотального безразличия отправился в комнату, а Марина совершила вторую самую большую ошибку в своей жизни после свадьбы на непутевом мужике – отправила госпоже Юлии Пирожочкиной номер.

Не прошло и четырех секунд, как раздался телефонный звонок.

– Да, кто это? – волнительно ответила Марина.

– Здравствуйте, это Юлия Пирожочкина! Мы сейчас с вами переписывались! – вооруженная ретроградным Марсом и чем-то крепко алкогольным, загорланила та тоном, будто родилась на ступенях трона. – Это неслыханно! Это невиданно! Что ваш Витя себе позволяет?

– Да-да, что ваш Витя себе позволяет! – вступил в дуэт и ее муженек.

– А что, собственно, случилось?

– Ваш Витя, даже не знаю, как сказать... Хотя нет, знаю... Ваш Витя распространяет порнографию в школе.

– А это статья, знаете ли, я в интернете посмотрел, – выронил изо рта господин Пирожочкин.

– Чего? – Марина выпала в осадок и залпом допила вино, – Подождите, какую порнографию? Вите восемь. Он знать не знает, ни о какой порнографии. Ему еще рано.

– Вот именно, что ему еще рано, а уже пошел по кривой дорожке. Он показал нашему Арсику, как зайти на сайт с порнографией, а потом наш Арсик случайно показал дочери наших соседей, как сношаются люди. Это невиданно! Это неслыханно!

– Так уж случайно? – парировала Марина.

– Случайно! – заорал Пирожочкин, – Что вы себе позволяете? У нас приличная семья! У Петровых приличная семья! Наши дети не должны узнать о таком до восемнадцати лет.

– Да-да, а теперь вот узнали, и все это благодаря вашему Вите. Я хочу разобраться, прежде выносить этот диалог в школе. А его придется выносить туда. С учителем. С директором. С психологами. И представителями Министерства образования области. Где это видано, чтобы второклассники распространяли порнографию? Если вы не примете меры, то мы и в полицию заявление напишем, а потом вашего Витю на учет поставят в детскую комнату милиции.

– Полиции, – поправил ее муж.

– Сама знаю, не учи меня, понял? Это твой сын девочке порнуху показал.

– А он – не твой тоже?

– Я вижу, что это все твои дурные гены.

– Юлия-Юлия, – Марина, наливая себе еще вина, пыталась спасти Пирожочкиных от развода, – А вы уверены, что это Витя?

– Да, мой Арсик сказал, что это Витя. Арсик никогда не врет. Арсик всегда говорит правду.

– Наш Арсик всегда говорит правду, – поддакнул ее муж.

– Вы же сами сказали, что ваш сын...

– Сыночек!

– Ваш сыночек недавно в нашем классе. Может, он перепутал.

– Нужен следственный эксперимент! – вновь завопил Пирожочкин, – Очная ставка. Лицом к лицу. Правда на нашей стороне. Арсик всегда говорит правду. Это мы его таким воспитали! Честным и правильным!

– Прямо сейчас встречаться будем? – Марина выдала иронию и отпила из стакана, ей уже изрядно надоели эти затасканные изрыгания ртов на той стороне трубки телефона,

– Нет, завтра!

– Я завтра работаю.

– Завтра вообще-то воскресенье.

– А по воскресеньям люди не работают?

– Нам все это совершенно неинтересно. Отпрашивайтесь с работы, дело очень важное. На кону судьба вашего сына.

– Вам не важен ваш сын? – подпевала Пирожочкин вновь не подвел.

– Так! Ни с какой работы я отпрашиваться не буду, это раз. Мне каждая копейка на счету, потому что я одна воспитываю сына.

– Ах, вот оно что! Сразу понятно все стало! – заверещала Юлия, – Безотцовщина налицо. Не то, что наш Арсик. Воспитывается в полной семье и в соответствии с традиционными ценностями.

– Да, да, а у вас хулиган и будущий преступник!

– Вы мне сказать дадите?

– Ну, попробуйте! – обозначила с высока Пирожочкина, явно показывая, насколько тяжело ей слушать собеседницу.

– Я сейчас пришлю вам фотографию их класса, пусть покажет, кого он считает Витей. Сейчас я поговорю с сыном.

– Сыночком!

– Сыном! Не надо тут меня учить! – Марина вышла из себя и заходить уже не собиралась, – Если он действительно виноват, накажу. Надо будет, встретимся и в школе, и в милиции.

– В полиции! – с осторожностью поправил ее Пирожочкин.

– Да, хоть у прокурора области! Ждите! – она повесила трубку и саданула винца до дна, – Виктор! Викто-о-о-ор!

Родители многого не знают о своих детях, ибо те скрытны и будут отрицать до последнего все, где согрешили, далее съезд на несознательность в силу возраста, а только потом чисто-сердечное признание с целью получить смягчающие на суде. Мальчишка во избежание сего выбрал другую тактику, потому изображал крепкий сон.

– Не делай вид, что спишь! – мать включила свет.

– Ну мам, спать так хочется, не могу.

– Концерт закончил. Не в театре. Арсика Пирожочкина знаешь?

– Это новенький наш.

– Сайты ему какие-то показывал?

– Какие?

– Для взрослых.

– Какие-такие для взрослых?

– Телефон дал!

– Он на зарядке стоит. Мамуля, ну я спать хочу очень-очень.

– Если хочешь поиграть еще, иди поиграй.

– Правда? – обрадовался Витя.

– Ну ты же спать хочешь, вот и спи.

– Ну мам!

– Не мамкай тут мне!

Марина вооружилась вином и включила сыщика, пытаясь найти что-то запрещенное для глаз ее малолетнего сына. Родительский контроль убивал стремления юных умов попасть, куда не следовало, однако ж эти проныры быстрее любого взрослого прорвутся через все виртуальные баррикады, а если надо и сайт «Пентагона» хакнут. Спустя полчаса поисков порнография так и не была найдена, как и Пирожочкины, канувшие в лета. Видать, следственный эксперимент выявил нового виновного, куда и направились все силы и средства карательного отряда 2 «Б» класса.

Она глянула на часы, что показывали одиннадцать часов: «Если Витя невиновен, то виновен кто-то другой... Спасибо, что не в три часа ночи дошла очередь до нас!»

Спустя неделю морально разложившийся класс восьмилеток оплакивал утрату белого и пушистого Арсика, коего вновь перевели в другой класс, где, к слову, кто-то начал распространять слухи о загадочном порнографическом сайте, затем перевели того и в другую школу, потому след тайной запрещенки затерялся в пространстве и времени, так и оставив многие вопросы без ответов, но Марину сие уже не сильно волновало, а Витю и подавно.

Музыкант

Тамара зашла на кухню, держа в руках свежеиспеченную шарлотку. Штольман увлеченно сливался с ноутбуком и не замечал ее.

– Сегодня день открытых дверей у тебя?

– Ага.

– Акция «Бери, что хочешь?»

– Ага.

– Виталя, я шарлотку принесла.

– Ага.

– Нет, это уже ни в какие ворота! – Женщина поставила шарлотку на стол, а затем закрыла ноутбук.

– Э-э-э-э, ты чего творишь? – Штольман тут же обрел измученную враждебностью гримасу.

– Шарлотку, говорю, испекла. Чего сидим, кого ждем?

– Том, ты не видишь, что тут как бы блистательный мир искусства?

– И?

– Творец занят.

– Нет, нашего Штольмана точно украли инопланетяне и заменили на еще более странного.

– Чего это?

– Того это! Когда ты от моей шарлотки отказывался?

– Поставь, потом съем.

– Очень интересно! – Тамара клацнула чайник, – Писать снова начал?

– Нет, я в завязке, уже второй год, ты же знаешь.

– Да-да, я помню, как умер Левчик, ты принял писательскую аскезу и ушел в забвение.

– Да-да, – он вновь открыл ноутбук.

– И что тогда тебя так увлекло? Баб голых рассматриваешь?

– Какие бабы, Тома? Что за примитивизм? Ревность? Ты сейчас серьезно? У меня есть ты, а новых мне искать лень. Это ж надо время тратить, выгуливать их, деньги опять же нужны...

– Наши отношения в безопасности, – расхохоталась Тамара и начала резать шарлотку, – Теряешь хватку, Штольман!

– Мне побольше кусочек отрежь.

– Посмотрите-ка на него! То, он меня в упор не замечает, а теперь побольше ему отрежь.

– А чего добру пропадать? Ты же старалась?

– Только после того, как ты мне расскажешь.

– Что?

– «Чевочка с молочком». Что у тебя там?

– Я теперь музыкант.

– Кто-о-о-о? – Женщина одарила кухню раскатистым девичьим смехом.

– Музыкант. Нейромузыкант.

– То есть миру живого Штольмана мало, и ты решил сделать еще виртуального? Не наигрался в вымышленные миры?

– Цыц, женщина!

– Я тебе сейчас, как цыкну! Жене своей будешь цыкать!

– Она со мной не разговаривает.

– Странно, что она с тобой развелась, да?

- Зыбкие вещи держатся на сомнительном послесловии. Предо мной частицы погибшего мира и твои встревоженные глаза. Маленькая драма в одном акте.
- Посмотрите-ка на него... В образ вошел. Тебе в театр надо батенька.
- Безупречный идиот я с правом на жизнь или картонная декорация?
- Одна я тебя терплю, – терпко вздохнула она, – не знаю за что!
- Как это за что? Я – гениальный писатель, опережающий свое время.
- И почему гениальный писатель второй год уже ничего не пишет?
- Потому что я теперь музыкант. Смотри! – Виталя развернул ноутбук в Тамаре, – Погоди, сейчас загрузится! В общем, надо идти в ногу со временем. Освоил я нейросети.
- И какой же ты музыкант, если за тебя все делает бездушная машина?
- Казалась она мне сухими листьями, – он рассмеялся, но испытывал признаки слабого волнения. – А слова? Кто слова пишет?
- И что? Музыкант должен играть, а у тебя гитара скоро сгниет. Помнишь, как ты решил стать великим гитаристом?
- Если решил, то стану.
- Сразу после того, как станешь великим писателем?
- Я уже великий писатель.
- Да-да, уже пятый год это слушаю. Тебя кроме меня кто-то читает?
- Загрузилось, смотри!
- Куда? – Тамара поставила перед Штольманом чашку чая и тарелку с шарлоткой.
- Том, ну ты богиня! – Виталя сунул в рот яства и принялся активно работать челюстями.
- Это просто гастрономический оргазм. Проникающая сущность. Ясный свет в вязкости дней.
- Подавишься.
- Ага, – он активно жует и запивает чаем, – Фух! Человек обречен на свободу, и это, моя дорогая Томочка, прописные истины.
- Все? Забыл про музыкальную карьеру?
- Погоди-погоди! – челюсти заработали еще активнее. – Еще чуть-чуть! – В рот полез еще кусок и еще. Причмокивания. Бульканья чая. – Все, пороки нанесли сокрушительное поражение! Спасибо, Том!
- Спасибо на хлеб не намажешь. После заката императрица ждет тебя в своей опочивальне для плотских утех.
- Ага, обязательно. Смотри!
- Штольман! – Брови Тамары выстроились в агрессивно-атакующее положение.
- Приду!
- Так-то лучше! – Гнев ее сошел на милость.
- В общем, пишешь стихи. Линуешь их, я все изучил, куплет, припев, все дела. Потом вставляешь в нейросеть, рассказываешь ей, что хочешь услышать, к примеру, фолк-баллада с народными инструментами. Вуаля! Песня готова!
- И все?
- Нет, конечно, сразу не получится. Она может ударения неправильно сказать, или вообще не так прочитать, надо больше генераций.
- Ты сейчас серьезно? Музыкант он! – Женщина звонко расхохоталась. – Кнопочки понажимал, теперь он музыкант!
- Слушай! – Виталя включил полученный результат, где дама тяжелым голосом исполняла о сложностях судьбы ведьмы в Древней Руси, – Ну как?
- Прикольно, но на один раз.
- Ты один раз, я один раз, они один раз. Миллион прослушиваний. А это бабки, Тамара, серьезные бабки.
- Пряма-таки уж серьезные?

– Ну, у нас не густо платят, а вот за границей очень даже ничего. Я уже себе и псевдоним придумал.

– Нейроштольман?

– Я думал об этом, но в нынешних реалиях короткого формата нужно что-то броское и быстрое. Нейрош, например. Это как Нейроштольман, только сокращенно.

– Штольман, если бы я тебя не знала, то подумала, что ты – дурашка, а так вопросов ноль.

– Ничего ты не понимаешь в искусстве. Это все в тебе твоя земная работа в ЖКХ говорит.

– Я из управляющей компании уже два года, как уволилась.

– Да? Не знал!

– Потому что ты меня не слушаешь никогда!

– Слушаю-слушаю!

– Я тебе пять раз говорила, что уволилась и где теперь работаю.

– И где?

– Говорю ж, что не слушаешь.

– О, новая версия загрузилась. Слушай-слушай.

– Да, чего тут слушать? Я тоже так умею.

– Чего?

– Слова рифмовать.

– Слова рифмовать умеет каждый, а чтоб звучало – нет.

– Я тебя умоляю. Бумагу и ручку Ахматовой!

– Не высоко-то планку задрала, сотрудница «Водоканала»?

– Все-таки слушаешь меня, да?

– Слушаю-слушаю.

Следующие тридцать минут Тамара провела в суетливой агонии сочинительства для песни, Штольман же активно мешал, заставляя прослушать очередную версию бытия сказочной ведьмы, что пыталась отыскать в этом мире место, откуда ветер приносил ее имя.

– Готово! – она протянула бумажку Витале, – Это хит!

– Березка? Ты серьезно?

– А почему нет?

– Березка?

– Что тебе не нравится? Березка – это символ России. Ты против?

– Ну, окей. Березка, так березка.

– Ты дальше названия читать будешь?

– Ага, – Штольман активно бегаем глазами по листу, – Эм!

В чистом поле, на просторе

Распустила ветви: белоствольная, стройная

Дева-краса. Береза, березонька.

Косы раскинув, глядит в небеса.

– Видишь, я могу не хуже, чем ты.

– Не хуже? А рифма тут где?

– А то вот в современных песнях прям все в рифму, да?

- Это не хит!
- Хит-хит! Припев, зато какой мощный.
- Допустим...

Ветер играет листвою нежно!

Песню родную доносит до сел!

Стоит она гордо, безгрешно.

Символ веры земли святой!

Нежно – безгрешно? – Виталя чешет затылок, – Ну, ок! А где рифма во второй и четвертой строчке?

– А где рифма в твоих стихах?

– Она там есть.

– Нет.

– Ты просто не понимаешь!

– Вот и ты тут не понимаешь!

– Не рычи!

– Учитель хороший!

– Ты мое гениальное творчество со своими записками не сравнивай.

– Пошел ты, Штольман! – Тамара демонстративно встает и хватает остатки шарлотки, – Я ему тут вкусняшек принесла, а он... А ты... Эх! – Уходит.

– Стану звездой, будешь еще с десятком своих шарлоток за мной бегать, – заорал ей Виталя вслед, на что в ответ получил лишь послание в виде удара дверью о косяк, – Истеричка, пытающаяся пробраться сквозь высокие материи.

Листья шумят над лугами,

Шепча стародавнюю песнь.

А в песне той между словами

Русь-матушка.

Поля, леса и православный крест!

Лугами – словами, песнь – крест... Боже, какой примитивизм. Нет, смысл-то есть... Достаточно неплохой. Короткие проблески ума в этой женщине все-таки имеются, но техника... Что с техникой?

Ох, береза, березонька!

Встань над родными краями,

Сохранив в себе истинный свет меж тенями.

Пусть звучит в сердцах народа

Твоя мольба до небосвода.

Краями – тенями, народа – небосвода. О-о-о-о-ох! Ладно, сгенерируем.

Виталия вышел на балкон и закурил. «Пятерочка» во дворе уже во всю работала и привлекала покупателей разноцветными вывесками с акциями.

– Стану вот богатым и знаменитым, весь вино-водочный скуплю. Нет. Все вино-водочные на районе. И устраю фестиваль. Фестиваль имени Виталия Штольмана. Буду вести себя, как рок-звезда.

– А куда подходить? – поинтересовался очкарик, что наклонился с балкона этажом выше.

– Я ты кто такой?

– Сосед ваш. Квартиру тут снимаю.

– А-а-а-а, как мне надоели эти нахлебники, – Штольман нервно затушил сигарету в пепельнице, – Ничего делать не хотят, только на моем горбу кататься, – Он вернулся на кухню и включил песню про березку, – Ага. Почему это говно с примитивными рифмами нормально звучит? Загадка вселенной! А может, это и есть ключ к успеху? Я тут выделяюсь, играюсь с тонкой рифмой, закладываю скрытые смыслы, а ухо радуется от «краями – тенями». Парадокс. Мне нужен альбом. Мне нужна группа. Точно. Интересно, а у Томки шарлотка еще осталась? А желание писать песни? Все. Решено. Пишем альбом. Музыка быть! – он поднялся до ее квартиры и настойчиво жал на звонок, пока дверь не отворилась.

– Чего тебе?

– Это в натуре хит! Ты мне нужна, будем писать альбом. Станем рок-звездами, устроим фестиваль на районе. Весь вино-водочный скупим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.